

ФИЛАТОВ В

КОГДА КАМНИ МОЛЧАТ

В Филатов

Когда камни молчат

<https://litres.ru/74159017>

SelfPub; 2026

Аннотация

Кузнец попадает в плен после боя. Очнувшись, он оказывается в степном караване, где его принимают за чужака. Чёрная бронза, языки без переводчиков, женщины, которых везут как товар, и железо, которое стоит больше, чем жизнь.

В этом мире он не гость — он оружие. Чтобы выжить, ему приходится ковать, лечить, строить и сражаться. Постепенно чужая земля становится домом, а чужие люди — семьёй.

Но однажды его возвращают назад ценой редчайшей энергии. Там, где для него прошли века, здесь минуло лишь мгновение. Мир считает его погибшим, а всё, что осталось от прожитой жизни, скрыто под древними камнями.

Доказательств нет. Воспоминания — есть.

В Филатов

Когда камни молчат

Мои похитители — а может, спасители, я и сам пока не понимал, кем они для меня были, — везли меня всё дальше, степь тянулась до горизонта — жёлтая, выжженная, без единого дерева. Только сухая трава, которая шуршала под копытами, и небо, такое бледное, что казалось выцветшим. Иногда попадались перелески — низкие, корявые деревья, которые будто вцепились друг в друга.

Иногда я приходил в себя и пытался разобраться, что со мной произошло. Заодно срабатывала кузнечная привычка: я машинально присматривался к металлу, из которого были сделаны их доспехи и оружие.

Я прекрасно понимал, что нахожусь в чужих руках, но раз меня не убили сразу, значит, надежда ещё оставалась.

Это была чёрная бронза — довольно твёрдый материал. Из неё были сделаны не только панцири, но и наконечники копий и лезвия топоров. Мечей я ни у кого не заметил.

Ещё я обратил внимание, что у одного из воинов были все мои вещи и вещи того покойника. Когда мы добрались до места, меня осторожно сняли с повозки и повели к какой-то палатке. Говорили на языке кочевников, что я плохо, но понимал. От языка Аси отличался. Рассчитывали что получит награду и старшие разгадают мою тайну потому как круп-

ных поселений не было а латы и оружие слишком богатое. На санскрите говорили команды, примерно так: право, лево, вперед, назад, стой. Меня шатало. Но я шел.

Завели в палатку. Стоять не смог, это заметили и посадили на низкую табуретку. Там сидел богато одетый мужик, в расписном парчовом халате, под которым была кольчуга. Вот у этого был меч, но короткий. Также черная бронза, но золочёный. Он начал меня расспрашивать, на своём языке. Потом на каком-то странном — похоже на тюркский. Этот язык я знал, но этот был искажен, поэтому отвечать не стал. Я в ответ попробовал старославянский, русский, английский. Потом попробовал китайский, который чуть-чуть знал, по крайней мере, так же, как и санскрит, — по Китаю я немного путешествовал, в свое время делал закупки, и выучил десятков слов. Потом подумал-подумал, использовал украинский потом молдавский. Там я тоже был и знал слов двадцать. И от всех этих звуков он всё время качал головой. Потом подошёл один из тех, которые меня поймали, и начал переводить на санскрите. Я понял, что это не родной язык, но его санскрит тоже был далёк от идеала. И начал меня допрашивать. А впереди разложили всё то, что у меня нашли. Ещё он что-то начал рассказывать и махать руками. Причём показал на кучу дырок в моих окровавленных доспехах. И также на доспехи того мужика, который на меня напал. Также оба меча. Мечи были стальные, мой качеством получше, а у того лезвие всё в зазубринах. Один из охранников подошёл, взял

трофейный меч и ударил по своему кинжалу. Чёрная бронза оставила зазубрину. Потом взял мой меч и тоже ударил. Теперь зазубрина появилась на чёрной бронзе. Всё-таки я старался подобрать хорошую сталь, и, похоже, полезные присадки тоже помогли. Щёлкнул языком, что-то сказал. Оба поклонились старшему. Потом посмотрели на мои доспехи и доспехи того человека. Он также попробовал топориком с чёрной бронзой пробить кольчугу. У него получилось помять кольца. Мои же пластины выдержали удар, хотя и тоже немножко помялись.

И вот, наконец, развязали мою аптечку. Пришла какая-то женщина, начала перебирать травы, какие-то нюхать и комментировать. Некоторые откладывала в сторону, некоторые оставляла, а парочку выкинула в огонь, который здесь же горел, и плевалась, и что-то яростное говорила — это из его аптечки. Потом достали мою аптечку. Она аккуратно развязала и что-то начала объяснять. У меня в аптечке трав было намного меньше. Потом она спросила у этих двоих. На мою аптечку показала — они показали на меня. На вторую аптечку они показали на ту кольчугу. Она что-то быстро заговорила. Потом попросила снять с меня рубаху. Рубаху она сняла, осмотрела спину, потом руки и ноги. Что её удивило, так это трусы. Хотя они и сильно застиранные, всё-таки довольно приличное время, но, тем не менее, были на мне. И цвет из синеполосатых приобрели бурополосатые, но, тем не менее, я их носил. Не то чтобы это был какой-то стиль —

просто нужный предмет гигиены. Она несколько раз спросила. Я тоже попробовал говорить на санскрите и на тех языках. Она плюнула, что-то резко высказала своему главному, потом вышла. Он, когда она вышла, засмеялся и что-то сказал этим двоим. Они тоже засмеялись, собрали всё, что у меня нашли в кучу, и куда-то утащили. А мне, вместо окровавленной одежды, выдали рубаху и штаны из светлой ткани. Что же, значит убивать не будут. Посмотрел на одежду. Ткань крашеная и беленая — то есть у этих такая технология была. А может быть, просто для некоторых людей. Потом я вышел. Весь разговор был каким-то серым. Я до сих пор не пришёл в себя и воспринимал всё как в тумане. Увидел, что та женщина на меня смотрит. Взяла меня за руку и куда-то повела. Завела в палатку. Показала жестами, что надо снять рубаху и штаны. И лечь. Она осмотрела меня и подняла бровы, посмотрела. Подумал: что там можно интересного увидеть? Но там, по крайней мере, ран не было. И начала чем-то смазывать. Очень сильно пахло мёдом. И, какими-то ягодами и цветами.

Я чуть не задремал, так хорошо стало: ранки перестали зудеть, и просто телу стало легче. Потом она достала какой-то пузырёк, накапала несколько капелек в глиняный бокал, дала мне, я выпил и провалился в сон. Проснулся уже утром, вышел из палатки и остановился. Лагерь жил своей жизнью: кто-то хлопотал у костров, часть солдат чистили оружие и доспехи. Пахло дымом, кислым молоком и мокрой шерстью

— запах, который я запомню надолго. Где-то в центре стояла большая повозка, крытая плотной тканью, и я сразу понял: там самое ценное. Увидел, как идет какая-то молодая женщина, что-то спросила у охранника и всё время смотрела на меня. Но действительно, эти воины, которые мне встретились, были где-то метр семьдесят, может, метр семьдесят пять, я же под два метра казался им великаном. С интересом смотрел, как они мой фламберг держали в руках — им было тяжело, я же уже натренировался. Кроме этого, накачал мышцы, таскать тяжёлые связки мечей — это то ещё развлечение, да и тренировался с кузнечным молотом, и стрелять учился. А ещё я не заметил, чтобы они выкладывали наконецники со стрелами и луки — не знаю, куда они девались, но оба лука были где-то в обозе.

Потом началось обучение. Эта женщина при свете дня выглядела лет на 35-40, то есть уже не молодая, но ещё и не старая. Вторая — молодая Сати, лет 18. И вот она говорила слова и что-то рисовала. Я вначале не понял, а потом дошло, что это картинки. Потом взял у неё из рук уголёк и начал дорисовывать. Она посмотрела и начала смеяться, потом поправила. И так, весело, со смехом, началось мое приключение. В этот день я изучил порядка 12 слов. И ещё около десятка мог вспомнить, если сильно постараюсь. И понял, что без информационного хаоса у меня улучшилась память. Воображение тоже подросло. Но главное, что восприятие стало намного лучше: если раньше я с трудом запоми-

нал 7-9 слов, то тут получилось на треть лучше. На следующий день она снова пришла ко мне, и снова мы обучались. От вещей перешли к действиям и глаголам. Я иногда разнообразил её рисунки: либо стрелочками, либо солнцем, либо волной, либо ещё чем-то. Она смеялась, видимо, рисунок получался забавный. А потом, вместо того холста, который она использовала, я вышел во двор и начал делать то же самое на земле — просто расчистил, добрался до песка, и начал рисовать там. Получилось, что полотно больше. А потом принесли завтрак. Она снова помазала мне спину, приказала не надевать ни штаны, ни рубашку. Опять что-то накапала из другого пузырька, причём на этот раз три капли. Я почувствовал, что усталость и тяжесть в организме пропали. А дальше мы куда-то ехали. Рядом сидела пожилая женщина, и я пытался немножко с ней говорить. А молодая ушла куда-то вперёд. И тут я понял, что они очень быстро собрали обе свои палатки и едут куда-то на запад.

И так и не понял, если это купцы, то зачем бы они взяли женщин, всё-таки это не так просто — путешествовать в нынешние времена, да и долго. Женщины не любят такие вот странные путешествия по заброшенным местам, где нет отхожих мест, ну и культура так себе. Поэтому я не понял, что здесь делают две женщины. Мужчины постоянно уезжали в дозор, по двое, как минимум три дозора: один впереди, один справа, другой слева. И было несколько закрытых возов, куда меня даже близко не подпускали. Солдат было около 30

человек, с топориками, с пиками, и у всех чёрная бронза. Я же пару дней походил без рубахи, начал слегка загорать, но заметил, что дни сокращаются — вероятно, вторая половина лета или начало осени, но холодно не было. Видел, что старший время от времени тренировался с одним из мечей, которые были со мной, не фламберг, трафей, он легче. А вот насчёт луков — никто, ничего, как будто их и не было. Мы все разговаривали, а у меня получилось все лучше. Женщина, молодая, приходила из шатра вождя. Они на ночь выставляли караул, расставляли шатры, шатры были только у двух: это пожилая женщина, которая, судя по всему, была лекарем, и вторая — кто она, дочь, сестра, жена, я пока не знал, но относились уважительно. Остальные воины, которые днём спали прямо на возах, ночью охраняли наш сон.

Караван двигался так медленно, словно ему вовсе не хотелось идти вперёд. Вперёд уходили разведчики. Через некоторое время они возвращались с докладом, и лишь после этого весь караван проходил проверенный участок пути. Затем всё повторялось снова: разведчики уходили, возвращались, докладывали, и только тогда люди двигались дальше.

Постепенно я понял, что так они идут уже с самой весны. За это время преодолели едва ли половину пути. То ли осторожность была для них важнее скорости, то ли именно таков был приказ. Во всяком случае, рисковать они явно не собирались. После очередного учебного разговора спросил Арьяну:

— Ты всё время расспрашиваешь меня. Неужели так интересно?

Она улыбнулась.

— Интересно.

— Или это тоже часть твоей работы?

Она ненадолго замолчала.

— Старший каравана приказал смотреть и запоминать. Кто чем живёт. Какие обычаи. Чем лечат. Как строят дома. Что выращивают. Каким богам молятся. Какие дороги считают безопасными. Всё, что может пригодиться роду.

— Значит, ты разведчица?

Она покачала головой.

— Нет. Разведчики ищут врагов. А я должна понять людей.

Говорил я уже довольно бегло. Правда, словарный запас пока оставался небольшим, зато понимал значительно больше.

Потом меня снова отвели в палатку главного. На этот раз допрос оказался куда продуктивнее. Теперь я понимал достаточно, чтобы уловить общий смысл разговора.

И вот я снова стоял перед тем самым важным человеком.

— Кто ты? И что делал на нашем пути? Почему тебя обнаружили наши разведчики?

— Понимаете... Меня гнали. Около трёх десятков всадников. Потом им навстречу попался другой отряд — те, кто должен был меня защищать. Началась рубка. Они сцепились

между собой, а я сумел уйти. Забрали своих раненых. Правда, я неплохо стреляю из лука, так что одного из преследователей всё же подстрелил. Моей лошади тоже досталось. Я уже собирался возвращаться, когда на меня напал один из преследователей. Был бой а потом меня нашли ваше разведчики.

Он на мгновение задумался.

— Значит, где-то неподалёку находятся два отряда всадников?

— Да. И, скорее всего, два поселения. Одно далеко на юге, другое — на западе. Там стоят римские легионы, наместники... А я ушёл в лес — туда, куда никто в здравом уме не полезет.

— И из-за чего всё это началось?

Я невесело усмехнулся.

— Из-за одной женщины.

Он удивлённо поднял бровь.

— Из-за женщины?

— Представьте себе. Женщина занимает очень высокое положение. Двое мужчин рангом ниже пытались добиться её расположения. Она проявляла ко мне явную симпатию. Вот меня и решили убрать.

Он внимательно посмотрел на меня.

— Значит, это не политика? Не межплеменная вражда? Не борьба за власть?

— Нет. Обычная местная история. Если бы дело было в

политике, туда вышли бы не три десятка всадников. С каждой стороны было бы не меньше пятисот.

Он медленно кивнул.

— Верно.

Несколько секунд он молчал, словно сопоставляя услышанное с тем, что уже знал.

— Что ж... Теперь я вижу, что ты действительно хороший воин, раз сумел выбраться из такой передраги. Такие люди нам нужны.

Он указал на выход.

— А пока иди отдыхай.

Пришлось на ходу сочинять правдоподобную историю. На следующий день мы проехали до обеда, мне выдали сухую лепёшку — вечером такие лепёшки пекли. Но мне, правда, не давали ни сушёное мясо, которое раздавали воинам, ни какие-то фрукты, которые выдавали женщинам. Просто хлеб и вода. Воды было сколько угодно, правда, мыться не давали. Я попробовал, но меня шикнули — видимо, они из засушливых мест. Теперь я ходил в рубахе и штанах, разрешили. И я замечал, что мы проезжаем где-то в тех районах, где раньше был княжеский город. Правда, едем восточнее и немного севернее. Поэтому места хоть и знакомые, но, тем не менее, два дня пешком на юг, и плюс от этого места до города ещё день — так что далековато забрались. Разведчики постоянно на день пути вперёд выезжают, или около того. А потом поднялась тревога: забегали, разобрали метательные дроти-

ки. Заметил луки — короткие и рекурсивные. Такие я знал. А рекурсивный сделать так и не смог. У меня был обычный, у того нападавшего — рекурсивный, но не длинный. Не знаю как, но кто-то спрятался в возу, кто-то залез в фургон ко мне. Я же просто сидел и наблюдал. И тут мы увидели несколько солдат — это были люди в греческой кожаной броне, либо очень похожей, короткими копьями и на лошадях. Они подъехали, начали перекрикиваться — Я так и не понял, на каком языке, может быть, греческий, его я не знал совершенно. Через время я увидел, что тревога улеглась, а через какое-то время рядышком с нами пошёл другой караван. Этот, видимо, был с Крыма, или же даже с самой Греции.

Важно одетые купцы — два Пузана — и их солдаты. Солдат было два с половиной десятка, но видел, что возчики тоже вооружены: у кого на поясе праща, у кого в чехле лук. Наши возчики тоже были с оружием, но у них не было доспехов — такие же топорики и кинжалы, как у всех остальных. Правда, бронза была другая, более мягкая, обычная, темная. И вот эти зашли внутрь и цокали языком, потом вышли и начали что-то расспрашивать у меня. Но их языка я так и не понял. Пробовал говорить на латыни — латынь я знал примерно как санскрит, то есть почти никак. Пробовал санскрит, пробовал другие варианты. Они только качали головой, тоже пытались со мной договориться. Потом я попытался поговорить на том языке, на котором меня говорить учили. Они радостно поддержали беседу. Словарный запас

уже позволял поддерживать простой разговор. Но некоторые только понимал. У нас разговор получился довольно однобокий: они говорили много, я сидел с глупым видом, иногда что-то вставлял. Они поняли это, развели руками и ушли к себе.

Я так понял, что они хотели узнать, где я убил такого воина и где получил такие доспехи и оружие. То есть они думали, что мы из одной страны, и где-то сцепились, нанесли друг другу свирепые раны, и я, судя по всему, какой-то беглец, так как раны от стрел были в спине. И кроме этого, такие же стрелы нашли при мне. И вот им стало интересно, откуда я убежал. Пришлось рассказать, что конь пал, за мной гнались долго, сцепились с другими, а этот прицепился, и так мы с ним почти друг друга и убили. И я мог бы умереть, если бы не травки. Не знаю, насколько они поняли, но, по крайней мере, ушли, долго переговариваясь. После этого прошло три дня. Все так же шли параллельно, по-доброму ходили в гости, смеялись, шутили. Воины улыбались, но постоянно ходили в броне. Наши возчики постоянно держали при себе оружие. Наши солдаты тоже улыбались, но видел, что они постоянно насторожены. И вот ночью случилось нападение.

Я услышал звон оружия и хрипы. Лежал на своей стороне. Увидел, что Арьяна спит. Схватил её мешок, так как вещей у меня не было, схватил её, выскочил. Увидел в темноте, что на меня кто-то прыгнул, наверное, грек. Он с топором, я пнул его ногой, тот отскочил, ударил его в промежность, схватил

его топор, и мы побежали дальше. Она проснулась, увидела эту короткую стычку. И, наконец, мы свалились в небольшой овражек, просто вымоина. Она спросила:

— Что ты делаешь?

— У нас такой обычай — похищать невест. Вот я невесту и украл. Она хмыкнула.

— Старовата я для невесты.

— Из соседнего каравана напали. Думаю, нам оставалось жить немного, если бы я не вытащил тебя. Она хмыкнула.

— Да, ты прав. Ты знаешь, куда шёл наш караван?

— Нет.

Она немного помолчала.

— Мы ехали далеко на запад. Старейшины давно хотели узнать, кто там живёт. Говорили, что есть сильные роды, с которыми можно торговать, а может быть, и заключить союз.

— Поэтому такая охрана?

— Конечно. Мы везли не только товары. Там были подарки для старейшин: серебро, хорошие ткани, оружие, украшения. Если люди окажутся достойными, мы обменяемся дарами и договоримся. Если нет — просто повернём назад.

Я кивнул.

— А девушка?

Арьяна посмотрела в сторону каравана.

— Она из хорошего рода. Если всё сложится удачно и их обычаи окажутся близки нашим, её могли выдать замуж за сына их вождя или другого знатного человека. Такой союз

связывает два рода крепче любых клятв.

— То есть никто заранее не обещал её?

Она покачала головой.

— Нет. Это решали бы только после встречи. Никто не отдаёт дочь людям, которых даже не видел.

Я ещё раз посмотрел в сторону повозок.

— Теперь понятно, почему её так берегли.

— Да. Она была частью нашего будущего, а не товаром.

Потом я увидел, что бой практически закончился. Больше всего и самое тяжёлое побоище было, конечно, возле того главного, с которым я говорил в начале и который сопровождал невесту, поэтому кстати она при нём постоянно и находилась. Но кроме этого, он был ещё и ответственным за охрану, и неплохим воином. Там разгорелась самая серьёзная битва. Я видел, как он махал моим трофейным мечом, а сзади ещё один схватил мой фламберг и тоже отбивался им. Видел, что на обоих — мои личные и мои трафейные доспехи. Но тому, который махал фламбергом, прилетело вначале в голову снарядом от пращи. Он быстро очухался, а потом стрела в глаз — доспехи не помогли. Мой шлем он почему-то не надел. А предводитель убил троих и увлёкся четвёртым. Тогда никого из нашего каравана не осталось, и он остался на ногах один, на него кидались 6 воинов. Двоих он ранил, а когда добивал третьего, на него напали со всех сторон, били топорами, кололи копьями. В конце он упал. Нападающим досталось довольно серьёзно. Оба Пузана ходи-

ли, пинали мёртвых и радовались, что добыча так хороша. Заметил, у них около десятка раненых и 7 или 8 на ногах, но все с лёгкими ранениями.

Потом выволокли молодую девушку, задрали подол. Я думал, что сейчас будут насиловать, но нет — они что-то посмотрели, и пузаны радостно рассмеялись. Я спросил:

— Что они там увидели?

Она сказала:

— Молодая Сати ещё не знала мужчин, и такую можно очень дорого продать на рабских рынках.

Потом я спросил, где разведчики? Должно же быть три группы — они же вернутся, и если вот так нападут, то перебьют всех. Она усмехнулась и показала на мёртвые тела:

— Вон они, твои разведчики.

Так что мы остались вдвоём. Я сказал — втроём, она сказала — вдвоём. До утра они всё соберут и поедут дальше, а воины станут вместо возниц. Я с интересом спросил:

— Кто же их будет охранять? Караваны и ценности огромные, а охраны осталась...

Она махнула головой:

— Завтра мы приедем на земли остов, а осты охраняют свою территорию, их можно взять как проводников и охранников, поэтому всё будет хорошо для них. А вот что будем делать мы?

Я спросил:

— Как далеко эти осты живут?

Она показала вперёд:

— Примерно к обеду, может быть, немного после, караваны подъедут к городу. Там город-крепость, и там они могут набрать охрану.

Сердце ещё колотилось от бега — того рывка, когда я тащил Арьяну через лагерь, а сзади хрипел кто-то чужой. Здесь, у края овражка, звон оружия и крики казались дальше, чем были, — будто их приглушили водой. Я оставил её и пошёл обратно, прижимаясь к темноте между повозками.

Мёртвые тела попадались под руки раньше, чем глаза успевали их различить — Я нащупывал их, ещё тёплых, и шёл дальше. С холодным оружием у меня было так себе, и я понимал это лучше, чем хотел бы понимать. Лук — вот что мне было нужно. Обошёл по кругу: четверо ходили туда-сюда у их каравана, с холодным оружием, без луков. Значит, к тем восьмерым легко раненым плюс эти — двенадцать. Я постарался не считать дальше, потому что от этого числа сводило живот.

Прополз между телами снова. Один лук был сломан — тетива порвана чем-то, видно, в драке. Второй — натяжение слишком слабое, без толку. Наконец, у места, где дрался глава нашего каравана, увидел свой — он валялся в стороне, не знаю, кто его туда отшвырнул. Поднял, и руки сами вспомнили вес. Стрел рядом нашлось всего три длинных — должно быть полсотни, но других видно не было. Ещё две вытащил из тел, осторожно, чтобы не сломать наконечник.

Снаружи, у костра, смеялись. Громко, по-доброму, как смеются люди, которые делают грязную работу и рады, что она почти кончена. Двое охранников. Ещё четверо копались в возке покойного главы каравана. Поодаль стояли оба пузана — те просто смотрели и кивали, без оружия в руках. Я понял: эти двое не опасны, можно не считать.

Наложил стрелу. Руки не дрожали — это меня удивило больше, чем сам факт того, что я сейчас буду убивать сидящих, в общем-то, людей в их собственную минуту веселья. Тридцать шагов, не больше. Дождался, когда смех взлетит особенно громко — в этот момент звук тетивы потонет в общем гвалте — и потянул.

Хлопок тетивы и сухой стук стрелы, вошедшей в горло, потонули в чужом смехе. Он не вскрикнул, просто сел, как от толчка, и завалился. Только тот, кто сидел рядом, мог бы различить этот звук — Но рядом сейчас никого не было, и смех не прервался.

Второй раз так не повезёт — взрыва смеха больше не было. Но выбора не оставалось: тот, что без друга, скоро заметит тишину рядом с собой. Выстрелил между двумя короткими фразами разговора — хлопок тетивы слился с чужим голосом, а вот стук стрелы, вошедшей в плоть, в этой тишине прозвучал отчётливо. Я замер. Второй упал так же тихо, как первый, и всё же на секунду показалось, что весь лагерь должен был услышать. Никто не обернулся — должно быть, приняли за случайный шум, или было слишком темно, что-

бы понять, откуда он раздался.

Я оттащил оба тела в темноту, подальше от света костра, чтобы не нашли до утра. Обшарил — топоры, слабая броня, ничего ценного. Холодная злость начала проступать сквозь страх: значит, начинать нужно с их главного каравана.

Сати привязали там же, у повозки. Четверо стояли вокруг и кривлялись, тянули к ней руки, делали вид, что сейчас сорвут с неё одежду. Она кричала и краснела одновременно — и оттого, что страшно, и оттого, что стыдно. Двое в какой-то момент отошли. Один из оставшихся подошёл к ней на десять шагов. На таком расстоянии промахнуться было почти невозможно — и всё равно я на секунду задержал дыхание перед тем, как отпустить тетиву. Стрела вошла в горло. Отволокло тело в сторону.

Со вторым — то же самое. Осталось восемь, а у меня — четыре стрелы: пятая сломалась, когда тело упало навзничь. Я понял, что считаю уже не людей, а собственные шансы, и насколько их мало.

Один отошёл проверить четвёртого — не отлучился ли. Возле Сати остался старший, спокойно её утешал, не лез руками — видно, повидал жизнь и не находил в этом веселья, как остальные. Стрела вошла ему в горло прежде, чем он успел договорить. Сати взвизгнула, и тот, кто шёл проверять, развернулся и бросился к ней — получил стрелу в глаз на бегу. Она закричала в полный голос, и я мысленно выругался: глупее не придумаешь.

Я рванулся к ней, пытаюсь зажать ей рот и разрезать пути одним движением — не успел. На крик уже бежали четверо солдат Тридцать шагов. Прицелился, выстрелил — Один упал с стрелой в глазу. Второй стрелой заткнул крик второму прямо в открытый рот. Стрелы кончились.

Остались кинжалы и топор — и руки сами выбрали следующее движение, без раздумий, как будто тело давно знало этот танец, а голова только сейчас об этом узнала. Метнул первый кинжал тот застрял в кольчуге. Второй — попал в руку, но не остановил. Третий ушёл рукоятью в лоб — оглушил на секунду, не больше. Вот растяпа, Ася бы долго смеялась. Четвёртый вошёл нападающему чуть выше сердца — наконец тот завертелся на месте и упал, тонко поскуливая. Последний топор полетел в последнего опасного, кто остался, — то ли удар по голове замедлил его, то ли просто не повезло, — топор вошёл точно в лоб. Он не успел даже отвернуться.

Сати за спиной всё ещё визжала — звук, от которого хотелось одновременно зажать уши и придушить её саму. Я шагнул назад и коротко ударил её по щеке — несильно, но хватило. Крикнул: «Заткнись!» Она замолчала, глядя на меня круглыми от ужаса глазами, и в этой тишине я наконец услышал, как колотится моё собственное сердце.

Четверо ещё бежали к нам — оба пузана, тяжело перебирая ногами и двое солдат, оба ранены, но на удивление быстрые для людей, которые истекают кровью. В руке у меня —

Один топор, который только что поднял, и больше ничего. Я не думал, я просто пошёл на них — не знаю, что они увидели в моём лице, но купцы бросили кинжалы и кинулись назад. Где-то справа закричал один из них, потом второй — и я увидел Арьяну: двумя ударами копьё она уложила обоих купцов. Оказывается, она очухалась раньше, чем я думал.

Солдаты поняли — нас двое. Один бросился к ней, второй — ко мне. Вынув из тел два кинжала, костер хорошо освещал, я метнул один — попал в плечо того, что бежал к женщине и тем развернул его к себе. Арьяна ударила его копьём со спины, потом ещё раз. Второй увидел, что его последний товарищ мёртв, бросил топор, поднял руки — заговорил что-то про приказы, про то, что он только выполнял. А потом заметил позади себя старуху с копьём и одинокий топор в моих руках — и рванулся прямо на меня, подхватив с земли копьё. Я успел отбить копьё в сторону и ударил его топором, он упал, я бил раз за разом, пока он не затих.

Арьяна подошла, отёрла копьё, и только тогда взялась за меня — ощупала бок, плечо, повернула голову за подбородок к свету костра. Цокнула языком: рассечена бровь, и я даже не заметил, когда. Под ребром, говорит, наливаются синяк размером с кулак — туда, видно, прилетело что-то тяжёлое, а я и не понял в горячке.

— Дуболом, — сказала она, доставая что-то из своей сумки. — Тебя там чуть на тот свет не отправили, а ты стоишь, как будто чай пил. Я хотел сказать, что было не до того, что-

бы себя ощупывать, но она уже мазала бровь чем-то резко пахнущим, и стало щипать так, что слова куда-то делись.

Меня ещё потряхивало от адреналина. Я рассчитывал в голове насколько увеличился тот самый счёт. Сколько ещё людей я отправил за грань. А потом меня толкнула Арьяна, некогда предаваться раздумьям много мужской работы.

Далее, мы разобрались с этими нападавшими. Мы их обобрали, скинули в яму и забросали ветками. Своих же пришлось похоронить в длинной яме, причём я копал до вечера, потом женщины хоронили своих по своему обряду. Одного мы нашли тяжелораненого, и Арьяна сразу начала за ним ухаживать. Сати же ходила за мной, как привязанная. Я не знал, почему, но, видимо, она так привыкла, что кто-то из мужчин должен находиться рядом и в случае чего защитить.

Арьяна пожала плечами и сказала:

— Мы должны доставить всё это на север. К тому месту, которое указали старейшины.

Я удивлённо посмотрел на неё.

— Подожди. А ты вообще знаешь, куда вести караван? Как мы без разведчиков обойдёмся? Кто будет управлять повозками? Кто станет охранять их? И самое главное — по какому маршруту ехать?

Она тяжело вздохнула.

— Если бы я знала...

— Тогда о чём вообще разговор?

На несколько секунд повисло молчание.

— Или мы собираемся останавливать каждого встречного и спрашивать: «Послушайте, вы случайно не знаете, куда должен был идти этот караван?»

Арьяна невольно улыбнулась.

— До такого маразма мы ещё не дошли. Хотя... идея неплохая.

Она огляделась по сторонам.

— Только спрашивать пока не у кого. Осмотрели осмотрели все товары в караване: там были меха, несколько слитков металла, похожего на серебро, кроме этого украшения из серебра и золота, ну и ещё мягкие вещи, похожие на матрасы, подушки, а также постельное бельё из бархата и одежду. Я понял, что это было приданое — купец же вёз ювелирные изделия, а кроме этого бронзовое оружие, слитки серебра и монеты из серебра и золота, но монет было совсем мало. У греков было много посуды.

Куда девать всё это добро — не решили. Решили пока остаться.

— Знаете... Я знаю одно место.

Все посмотрели на меня.

— Оно хорошо защищено. Рядом есть река, много рыбы и зверя. Там легко поставить хижину, а позже и укреплённый лагерь. С дороги его не видно — оно находится в небольшой ложбине. Правда, зимой там холоднее, чем на открытой местности, но это единственный серьёзный недостаток.

Я немного помолчал и добавил:

— Думаю, это отличное место для временного лагеря. Там хватит места сразу для обоих караванов, а уже оттуда можно будет отправить кого-то с весточкой к вашим старейшинам. Я думаю караваны ходят?

Оба каравана оставили там, где когда-то стоял город князя — место знакомое, закрытое, хорошо защищенное со всех сторон. Сати оставить там тоже решили — но это потребовало отдельного разговора.

— Если нападут, им достанется сразу два приза, — сказала она. — Я и всё, что в повозках.

— Если нападут, тебя с нами всё равно не спасёт, — ответил я. — Нас двое против неизвестно скольких.

Она открыла рот. Закрыла. Арьяна опередила меня:

— Мы вернёмся. Скоро. С тобой ничего не случится.

Что-то в тоне Арьяны сработало так, как не сработали бы никакие доводы. Сати моргнула, вытерла нос, взяла лук, наложила стрелу и пошла осматривать окрестности. Я посмотрел ей вслед: лук держала правильно. Оказывается, умеет.

Со мной напросилась Арьяна. Ехали тихо — она смотрела по сторонам, я смотрел по сторонам. Когда на горизонте показались несколько групп всадников, она первая сказала:

— Говорить буду я.

Всадники подъехали быстро, окружили с трёх сторон. Старший посмотрел на повозку с посудой, потом на Арьяну, потом на меня.

— Кто такие?

— Торговцы, — сказала она спокойно. — Везём посуду.

— Куда?

— В город.

— В город сейчас не попасть, — сказал он. — Армия великого хана осадила его намертво. Пойдут дальше, на Вестов, заберут женщин и ценности. Вам лучше ехать на юг, там сейчас ставка.

Я спросил, не отрывая взгляда от его рук:

— Долго ещё простоят?

— До зимы. Может, раньше сдадутся, — он пожал плечами. — Может, нет.

Зима через четыре месяца. Времени мало. Мы развернулись и поехали обратно. Разведка оказалась удачной. Ни людей, ни свежих следов. Только трава, лес и звериные тропы. Через три дня добрались до старой стоянки. Первым делом я закопал серебро, золото и монеты. Не там, где собирался сделать тайник позже, а чуть в стороне, под приметным валуном. Керамику, меха и украшения оставил в телегах. Место оказалось даже лучше, чем мне запомнилось. Холм прикрывал от ветра. Рядом текла река. За ней начинался густой, но светлый лес. Земля была чёрной и рыхлой. Если переживём зиму, весной здесь можно будет разбить хороший огород. Я выбрал сухое место у самой реки и принялся за работу. Землянку выкопал за три дня. Выкопать котлован. Укрепить стены. Уложить жерди. Закрыть крышу глиной. Сделать удобный вход. Когда знаешь, что делать, работа оказывается

не такой уж сложной. Рядом поставил сарай для лошадей. Не из брёвен — слишком долго. Из жердей. Быстрее, проще, а до зимы такой крыши вполне хватит. Лошадей у нас было больше тридцати. Прокормить такое стадо становилось отдельной заботой. По лесу я расставил силки. А потом занялся вершами. Нарезал длинных ивовых прутьев и начал плести. Пальцы сами вспоминали старые движения. Когда-то я уже ловил рыбу на этой самой реке. Арьяна некоторое время молча наблюдала. Потом не выдержала.

— Дай сюда. Ты неправильно загибаешь.

— Вон ещё прутья. Лучше помоги, если руки чешутся.

Она только фыркнула. Взяла прутья. Через несколько минут верша выглядела лучше моей. Путья ложились ровно. Каждый изгиб — на своём месте. Работала она быстро и уверенно.

— Откуда умеешь?

— В детстве отец брал меня на рыбалку.

Она не отрывалась от работы.

— Говорил, женщина должна уметь прокормить семью, если мужа убьют.

Сказала она это совершенно спокойно. Как будто повторила старую поговорку. Готовые верши мы поставили в реку. Рыба пошла почти сразу. Женщины сами проверяли ловушки. Сами чистили улов. Так что с едой у нас пока проблем не было.

Зато с посудой — были.

— Нам нужен нормальный казан, — сказала Арьяна однажды утром.

— Вон стоят амфоры. Горшки. Миски.

— Это не казан.

Я не понял, в чём разница, пока она не взяла одну глиняную чашку, поставила на огонь и налила воды. Чашка лопнула. Вода затушила костёр.

— Теперь понимаешь?

— Можно бросать раскалённые камни, — предложил я.

Она взяла другую чашку. Бросила раскалённый камень. Чашка лопнула.

— Победа за вами, — сказал я.

Пришлось пожертвовать бронзовым щитом. Выковал из него что-то вроде котла — неровный, с заклёпками по краю, но держал огонь и не лопался. Женщины остались довольны, хотя вида не показали.

Забор строили из жердей. Работали все.

Даже так ушло почти полтора месяца.

Когда закончили, я занялся фундаментом будущего дома. Самым тяжёлым оказались камни. Как их ни таскай — на жердях, волоком или с помощью лебёдки, легче они от этого не становятся. Каждый приходилось вырывать из земли, грузить, тащить, потом ещё укладывать на место. Работа была медленной и изматывающей. Но постепенно фундамент всё-таки рос. И в конце концов мы справились.

Приезжали и кочевники. Занимался забором и наблюдал.

Кочевники подъехали настороженно. Увидели: строю каменный дом, железное оружие, незнакомый человек.

Один усмехнулся, сказал что-то на своём языке:

— Один живёт. Видно, богатый.

Другой ответил:

— Или глупый.

Я, не задумываясь, ответил на их языке:

— Глупый давно бы здесь не жил.

Наступила тишина.

Один из всадников даже привстал в стременах.

— Ты...

Другой перебил:

— Так ты понимаешь?

— Немного.

Старший подъехал ближе.

— Кто тебя учил?

— Женщина из вашего народа.

Они переглядываются.

— Так ты не немой...

— А вы думали, немой?

— Ты всё время молчал.

— Просто не понимал, что вы говорите.

После этого напряжение резко упало.

Теперь они уже не смотрели на меня как на добычу и начали расспрашивать.

— Из какого рода?

— Почему один?

— Кто строит этот дом?

А потом чай, лепёшки, разговоры и они уезжают уже не врагами а просто хорошими знакомыми. Обе женщины провозжали их удивленными взглядами. Они даже косо в сторону женщин или меня не посмотрели когда уезжали и это женщин удивило. Если Сати промолчала то вот Арьяна спросила:

— Ты же делал вид что не знаешь языка кочевников. А тут вдруг говоришь на нём как будто это твой родной?

— Не родной. С акцентом.

— Но всё равно — как так получается, что ты его то знаешь, то не знаешь?

— Будто ты знаешь всех кочевников и у них у всех один и тот же язык. Так же как у купцов и так же в городах. Один язык, правда? Она промолчала.

А через пару дней они вернулись.

Я спросил, и чего вы приехали теперь? Вы же вроде собирались ехать дальше. Город пал, и вы захотели нордов или остов, кого вы там воевать дальше шли. Я увидел одного, того, который улыбался, но говорил мало. Молодой парень — Темир. Привезли его раненого.

— Мы не можем взять его с собой, — сказал старший. — В седле он не удержится, а поперек лошади умрет через несколько дней. Оставить в городе — еще хуже. Стоит нам скрыться за воротами, его прирежут. Никто не станет забо-

титься о раненом враге.

— У него мать и две младшие сестры. Отец погиб. Если Темир выживет, семье будет на кого опереться.

— А у тебя, он показал на Арьяну, есть помощница, которая сведущая в травах. Да и сам ты тоже, насколько я знаю.

— Ну и что вы думаете я с ним буду делать?

— Вылечи его.

Потом он поднял мешок и высыпал серебро и какие-то украшения.

— Это оплата. Еще мы оставим его лук, стрелы и его коня. И если придет в себя, то догонит нас. Если не получится, что же, на все воля Всевышнего.

Мы разговаривали еще минут тридцать. Арьяна осмотрела раненого. А я подумал, ведь таких я убивал в свое время. А теперь постараюсь вылечить. Осмотрели.

Бок и нога. Вот что у него было, две раны. И если бок заживал, то вот с ногой было плохо.

Арьяна взялась за него серьезно — травы, заливала в рот отвары. Но с ногой было все хуже. Она распухла и посинела. И видно, гнила изнутри. Арьяна ходила вокруг и пыталась воспользоваться разными вытягивающими травами. Но получилось так себе. Я подошел, и вдруг увидел что как будто что-то выпирает изнутри что-то небольшое или мне показалось, но проверить надо. Прокалил нож и разрезал рану. Оттуда хлынул гной. А потом вытащил наконечник стрелы с куском ткани. Промыл. Да, видно стрелу обломали, а

про наконечник либо не знали, либо забыли. Арьяна ходила бледная. Сати тоже старалась держаться подальше. Запах был еще тот. Арьяна смотрела на меня с удивлением и с уважением.

— Ты первый раз делал это?

— Ага. Видишь, как хорошо получилось.

— Сначала думал вообще ногу отрезать. Или в котел бросить... Хотя нет, слишком вонючая. Решил все-таки почистить.

Сати побледнела, отвернулась и тут же бросилась за угол. Судя по звукам, желудок с моим чувством юмора был совершенно не согласен.

Арьяна лишь скривилась.

— Твои шутки я никогда не понимала. И, похоже, уже не пойму.

— М-да... Похоже, действительно неудачно пошутил.

Я промыл рану, заложил травы и наложил свежую повязку. Уже на следующий день жар начал спадать. Ещё через несколько дней опухоль уменьшилась, а из раны перестал идти гной. Арьяна только удивлённо качала головой, но исправно меняла повязки. Парень впервые спокойно уснул. Потом начал понемногу садиться. Через неделю Темир окончательно пришёл в себя и первым делом попросил пить. Ещё через несколько дней уже ковылял по лагерю, пытаясь быть полезным. Сразу было видно — рос в суровых условиях. Сначала ухаживал за лошадьми. Именно он показал

мне несколько приёмов, о которых я даже не задумывался. Как правильно чистить шерсть. Как осматривать ноги. Как ухаживать за копытами. О копытах я раньше вообще не думал. Потом стал помогать женщинам разделять добычу. А когда окреп ещё немного — начал проситься ко мне. Работы хватало всем. Я только усмехнулся. Пусть учится. Домой вернётся уже с каким-никаким ремеслом. Постепенно мы разговорились. Его удивляло, что я знаю язык его племени.

— Где ты научился?

— Долго рассказывать.

Он покачал головой.

— Говоришь странно. Не как мы. Но понимаешь хорошо. Оказалось, их племя было небольшим. Немного родов жило на западе. Немного — на востоке. Ещё несколько — далеко на юге. Поэтому их язык знали немногие. А я про себя подумал что со временем половцы и печенег станут довольно серьёзной силой. Он решил, что я вырос где-то на западе. Пусть так. Часто спрашивал об Асе. О том десятке. О бое, в котором мы отбивались. Особенно смеялся, когда я рассказывал, как сумел отбить девушку. Постепенно он разговорился и сам. Рассказывал о матери. О сёстрах. Об отце. Тот сопровождал караван и погиб в одной из стычек. Мстить Темир хотел долго. Потом понял, что уже некому. Тех, кто напал на караван, давно перебили. Дома нужно было чем-то кормить семью. Вот он и пошёл в набег. Надеялся разбога-

теть. Заплатить калым. Привести в дом жену. Помочь матери. Но всё закончилось совсем иначе. Он показал на своего коня.

— Это мой.

Потом с раздражением поднял трофейную саблю.

— А это — нет.

Он долго ругал тех, кто собирал оружие после боя. Не мог понять, как можно было перепутать его лук с чужим. Зато стрелы неожиданно похвалил.

— Хорошая работа. Только тоже не мои.

Мы часто спорили о луках. О стрелах. О металлических и кожаных доспехах. Иногда он внезапно замолкал. Уходил к реке. Садился один. Смотрел на воду. Я не мешал. Даже разговаривая со мной на родном языке, он всё равно оставался чужим среди нас. Иногда человеку нужны не слова. Ему просто необходимо немного побыть одному. Когда нога почти зажила, Темир неожиданно предложил:

— Проверим тебя?

Я молча вынул фламберг.

Он попробовал приподнять его, не смог.

— Тяжёлый...

Тогда он взял свою трофейную кривую саблю. Мы сошлись. Первый удар. Второй.

На третьем сабля вылетела у него из руки.

Сам Темир сел прямо на землю. А мой клинок уже касался его горла.

— Это нога, — буркнул он. — После ранения ещё не восстановился.

Я только улыбнулся. Но заметил, что взгляд у него изменился.

— Что?

Он отвёл глаза.

— Так на меня смотрел наш сотник Айнар.

— И что?

— Я знал, сколько людей он убил.

Он немного помолчал.

— С тобой я тоже не хотел бы встретиться в настоящем бою.

А я почему-то вспомнил того богато одетого кочевника. Такой же молодой. Такой же горячий. И погиб так же быстро. Время шло.

Темир уже уверенно ходил, лишь немного прихрамывая. Потом за ним приехали, решили своими глазами посмотреть, как прошло лечение.

Встреча вышла шумной. Темир кричал, что его бросили у чужаков. Ему отвечали, что иначе он бы умер. Пока они спорили, мне молча отсчитали ещё немного серебра.

Перед отъездом Темир сел на коня. Слегка поклонился.

— Если когда-нибудь окажешься в наших землях, обязательно зайди ко мне.

Он усмехнулся.

— Род у нас небогатый. Но я обижусь, если пройдёшь ми-

мо.

Я кивнул. Он был должен мне жизнь. И мы оба это понимали. Вскоре всадники скрылись за холмом. Как-то слишком быстро всё закончилось. Я почти успел к нему привязаться. Я понимал его. И, наверное, он понимал меня. Но своими друг для друга мы так и не стали. Я смотрел, как его фигура тает в степи, и вдруг понял: этот парень ещё появится. Не потому, что он мне должен. А потому, что такие, как он, не забывают. И когда-нибудь, возможно, я буду рад, что спас его.

Когда началась осенняя слякоть, мы с Арьяной погрузили лошадей и отправились на торг. Сати осталась дома. К тому времени она уже почти не выходила из землянки. Дорога прошла спокойно. Но следы недавних набегов попадались постоянно. Где-то ещё торчали обгоревшие срубы. Где-то пустовали дворы. Иногда навстречу попадались люди с таким видом, будто вместе с имуществом у них отняли и надежду. И всё же рынок жил. Купцы приезжали. Торговля не останавливалась даже после двух разорительных набегов. Удалось продать три десятка лошадей. Ещё восемь пришлось забрать обратно. Цены оказались слишком низкими. После каждого набега кочевники угоняли деньги и товары, зато оставляли множество лошадей. Рынок оказался переполнен. За бесценок продавать их я не собирался. Вернувшись домой, мы сразу начали готовиться к зиме. Повозки поставили вплотную друг к другу и накрыли, чтобы меньше

мокли под дождём. Потом я занялся укреплением дома. Сначала усилил частокол. После этого вокруг деревянных стен выложил каменную оболочку. Внутри остались жерди. Снаружи — камень. Так строить оказалось быстрее и проще, чем складывать полностью каменный дом. Женщины с любопытством наблюдали за работой.

— Зачем?

— Если попробуют поджечь, снизу огонь уже не возьмётся.

Арьяна задумалась.

— Сверху тоже могут бросить.

— Сверху крышу обмажем толстым слоем глины.

Я похлопал по каменной стене.

— И тараном такую стену проломить куда труднее, чем выбить несколько брёвен.

Обе согласно кивнули.

Проверенные способы добычи еды тоже никуда не делись. Я регулярно обходил силки. Проверял верши. Пополнял запасы. Заодно заготовил несколько каменных наконечников для стрел и отобрал подходящие заготовки для будущих луков. Древесина должна была хорошо просохнуть. Недалеко от дома сложил небольшую коптильню. Именно там, где спустя много лет я найду её остатки. Теперь каждый занимался своим делом. Сати помогала выделывать шкуры, коптила мясо и следила за запасами. Арьяна собирала лекарственные травы, сушила их и раскладывала по мешочкам. Работы

хватало всем. Время пролетело незаметно. Дом был готов. Запасы на зиму собраны. И только теперь я понял, чей фундамент нашёл здесь в будущем. Похоже, это и был мой собственный дом.

Я вышел за дровами и увидел, что мир изменился. Трава побелела от инея, река покрылась тонкой коркой льда, а воздух стал колким, как мелкие иглы. Пахло снегом — тот самый запах, который не спутаешь ни с чем. Я постоял на пороге, вдохнул и понял: зима пришла. И она будет долгой. Нужно торопиться, ещё не всё готово.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.